

Научная статья
УДК 343.352
doi: 10.17223/22253513/56/3

Частичная декриминализация преступлений коррупционной направленности на примере института административной преюдиции в зарубежном уголовном законодательстве

Александр Викторович Куликов¹, Константин Владимирович Валов²

^{1,2} *Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия*

¹ *bmw0052@rambler.ru*

² *konstantin.kantiana@mail.ru*

Аннотация. Осуществлен анализ зарубежного законодательства, регламентирующего вопросы применения административной преюдиции в уголовном праве. Основной акцент сделан на исследовании данного института в качестве инструмента частичной декриминализации преступлений коррупционной направленности, не обладающих большой степенью общественной опасности. В основу выводов исследования положены результаты анализа как законодательства англосаксонской, так и романо-германской правовой систем.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовное право, противодействие коррупции, зарубежное уголовное законодательство, частичная декриминализация

Источник финансирования: исследование поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта, научный проект № 123110800172-0.

Для цитирования: Куликов А.В., Валов К.В. Частичная декриминализация преступлений коррупционной направленности на примере института административной преюдиции в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 56. С. 32–42. doi: 10.17223/22253513/56/3

Original article
doi: 10.17223/22253513/56/3

Partial decriminalization of corruption-related crimes using the example of the institution of administrative prejudice in foreign criminal legislation

Alexander V. Kulikov¹, Konstantin V. Valov²

^{1,2} *I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation*

¹ *bmw0052@rambler.ru*

² *konstantin.kantiana@mail.ru*

Abstract. The scientific article is based on the statement that Russian criminal legislation has a repressive character, which is expressed in the possibility of bringing to

criminal responsibility for the commission of certain illegal acts that do not have a sufficient degree of public danger. The discussion regarding the partial decriminalization of the above-mentioned acts is also present in the scientific circles of foreign countries. For example, in the United States, some legal scholars propose decriminalizing nonviolent criminal offenses. According to the analysis of law enforcement practice, this circumstance will have a positive impact on crime prevention. For the Russian legal reality, the issue of abolishing punishment for minor crimes is not relevant, since there is legislation on administrative offenses that performs protective functions. In our opinion, minor crimes of corruption are among the acts that can be partially decriminalized by extending administrative prejudice to them. Russian law enforcement practice is predisposed to these humanistic innovations. An analysis of the regulation of the institute of administrative prejudice in foreign countries makes it possible to understand the essence of this institution and the specifics of its practical application for research purposes. According to the legislation of the Western countries of the Romano-German legal family, the institute of administrative prejudice was created in contrast to the increased number of criminal offenses during the period of active economic development, by simplifying the procedure for bringing to justice. At the same time, in the Western countries of the Anglo-Saxon legal family, prejudice refers to circumstances established by the courts in previously considered criminal and civil cases, which, under certain conditions, can be used as evidence that does not require additional verification. In neighboring countries, each State assigns different degrees of public danger to the most classic corruption-related crimes (bribery, bribery, commercial bribery). Thus, in the Republic of Belarus, the application of administrative prejudice to the above-mentioned acts is impossible due to the high degree of public danger. The criminal legislation of Georgia explicitly establishes in the anti-corruption legislation the possibility of applying administrative prejudice to acts related to the false declaration of income by public officials. There is no institution of administrative prejudice in Kazakhstan. However, the notes to individual articles of corruption-related crimes actually allow the use of this institution if the amount of funds does not exceed the amount established by criminal law. Thus, the institution of administrative prejudice can be used as a tool for the partial decriminalization of certain corruption-related crimes.

Keywords: administrative prejudice, criminal law, anti-corruption, foreign criminal legislation, partial decriminalization

Funding: This research was supported by funds provided through the Russian Federal Academic Leadership Program «Priority 2030» at the Immanuel Kant Baltic Federal University, project number 123110800172-0.

For citation: Kulikov, A.V. & Valov, K.V. (2025) Partial decriminalization of corruption-related crimes using the example of the institution of administrative prejudice in foreign criminal legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 56. pp. 32–42. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/56/3

Введение

В современной России актуальным вопросом является проблема излишней репрессивности уголовного закона. В частности, отдельные составы преступлений, на наш взгляд, не обладают достаточной степенью общественной опасности, обосновывающей их включение в Уголовный кодекс Российской Федерации, а также негативно влияют на общее состояние преступности в стране.

Например, А.И. Парог отмечает, что в российский уголовный закон вносится достаточно большое количество изменений по сравнению с другими отечественными нормативно-правовыми актами. При этом вышеуказанные изменения в своем большинстве связаны с включением новых составов преступлений, целесообразность криминализации которых вызывает вопросы из-за нарушения основополагающих принципов уголовного права [1]. В частности, уголовно-правовое вмешательство допустимо только тогда, когда защита общества от определенного вида деяний не может быть реализована путем применения более мягких видов ответственности (административной, гражданско-правовой и т.д.) [2].

Данная проблема также является актуальной и в зарубежных странах, особенно в США. Так, в Америке активно обсуждается вопрос отмены уголовного преследования за ненасильственные преступления небольшой тяжести (уголовные проступки). Данное предложение основано в том числе на научных исследованиях, согласно которым отсутствие уголовного преследования по вышеуказанным категориям преступлений приводит к значительному снижению вероятности совершения нового преступления в течение двух последующих лет. Более того, эффект оказывается сильнее в случае если лицо, совершившее преступление, ранее не имело судимости. Таким образом, сам факт предотвращения приобретения судимости является важным фактором для сдерживания преступности. Вышеобозначенные обстоятельства были подтверждены на примере правоприменительной практики, а именно в деятельности районного атторнея графства Саффолк штата Массачусетс США. В частности, отмечалось, что после введения презумпции неприменения наказания за ненасильственные уголовные проступки значительно снизилось число лиц, повторно совершивших аналогичные деяния [3].

Для российской действительности вопрос отмены наказания не является перспективным. Вместе с тем возможность изменения категории отдельных деяний с преступлений на административные правонарушения позволит определенным образом гуманизировать российское уголовное законодательство. Вышесказанное напрямую применимо и к отдельным преступлениям коррупционной направленности, относящимся к категориям небольшой и средней тяжести, по ряду причин [4].

Во-первых, в российской правоприменительной практике отмечается значительное снижение количества лиц, совершивших преступления коррупционной направленности повторно или совершивших более тяжкие преступления в рассматриваемой сфере.

Во-вторых, высшие судебные инстанции придерживаются принципа допустимости декриминализации преступлений небольшой тяжести посредством применения института административной преюдиции в уголовном праве.

В-третьих, российское уголовное законодательство уже подвергалось изменениям, когда отдельные преступления частично декриминализировались посредством применения института административной преюдиции в уголовном праве (например, ст. 116, 119, 157 УК РФ и др.).

Административная преюдиция в уголовном праве зарубежных стран (теоретический аспект)

В целях противодействия коррупции и необходимости совершенствования российского уголовного законодательства проанализируем уголовное законодательство зарубежных стран в рассматриваемой сфере.

В первую очередь стоит отметить, что во многих зарубежных странах отсутствует такой юридический институт, как административная преюдиция в уголовном праве. Как верно отмечают Е.В. Антонов и В.И. Антонов, в «Западной и Центральной Европе уголовное право четко ограничивается от административного» [5]. При этом в указанных юрисдикциях существует институт уголовного проступка, а степень общественной опасности деяния не играет решающей роли для криминализации деяния.

Нельзя не согласиться с тем, что одной из наиболее законодательно регламентированных правовых систем является романо-германская правовая семья, к числу которой помимо Российской Федерации относится также ряд западных стран (Германия, Франция, Италия, Испания и др.) и стран СНГ (Беларусь, Азербайджан и др.).

В уголовном праве стран романо-германской правовой семьи длительное время разграничивались такие категории, как уголовное правонарушение и преступление. Однако, как отмечают Р.С. Данелян и И.И. Зименкова, в период активного развития промышленности и последовавшего за ним роста числа совершения уголовных правонарушений, которые приходилось рассматривать в соответствии с установленными порядками судопроизводства, данные деяния подверглись декриминализации, с последующим отнесением к отдельной категории административных правонарушений [6]. Более того, создание нового правового института подразумевало установление принципиально нового порядка судопроизводства, а также создание административных органов, уполномоченных налагать наказания за их совершение, что было реализовано, например, в Германии и Италии.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что административное право по своей природе произошло из уголовного и основной его целью является установление упрощенного порядка привлечения к ответственности за совершение деяний с пониженной степенью общественной опасности. При этом нельзя не отметить, что в отдельных актах правоприменения административные правонарушения продолжают отождествляться с уголовным правом. Так, в решении Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в постановлении по делу «Озтюрк против Германии» прямо указано, что «административные правонарушения остаются частью уголовного права в широком смысле слова» [7]. Данное решение ЕСПЧ оказало значительное влияние на развитие административного права в качестве отрасли права. Вместе с тем закрепления на Западе административного права в качестве самостоятельной отрасли в законодательстве стран Западной Европы не произошло. При этом институт административной преюдиции в уголовном праве стран Западной Европы также не нашел своего законодательного закрепления.

Если изучить законодательство стран англосаксонской правовой семьи (США, Англия и др.), то можно увидеть отсутствие законодательного закрепления такой категории, как административное правонарушение. В законодательстве указанных стран предусмотрена исключительно уголовная ответственность, которая разграничивается в зависимости от тяжести совершенного деяния на «уголовные проступки» (аналог административных правонарушений в отдельных странах романо-германской правовой семьи) и преступления. При этом основным критерием разграничения выступает размер наказания (санкция статьи уголовного закона).

Отсутствие административной преюдиции в уголовном праве государств англосаксонской правовой семьи объясняется тем, что совершение противоправного деяния после привлечения к административной ответственности не позволяет сделать вывод о перерастании указанного деяния в преступление. Вместе с тем повторное совершение административного правонарушения может учитываться при назначении наказания [8].

Анализ отдельных норм уголовного законодательства в сфере противодействия коррупции (практический аспект)

Стоит отметить, что для целей исследования особый интерес вызывают формы правовой регламентации института административной преюдиции в странах ближнего зарубежья. В частности, несмотря на общность начал регламентации указанного института в период существования СССР, после обретения независимости в указанных государствах прослеживаются различные способы реформирования его нормативного закрепления. Так, изучение зарубежного законодательства показало, что институт административной преюдиции в той или иной форме присутствует в уголовном законодательстве, например, Республики Беларусь, Грузии, Казахстане.

Рассмотрим регламентацию и применение указанного института по отношению к наиболее часто встречающимся (классическим) преступлениям коррупционной направленности в указанных юрисдикциях.

В Республике Беларусь применение административной преюдиции регламентировано ст. 32 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) [9] согласно которой, в случаях, предусмотренных Особенной частью, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение.

Таким образом, данная норма четко ограничивает круг деяний, применительно к которым допустимо применение указанного института (преступления, не представляющие большой общественной опасности), а также определяет временной период, в течение которого допустимо привлечение к уголовной ответственности (в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания).

Отметим, что в УК РБ, предусмотрена уголовная ответственность за дачу взятки (ч. 1 ст. 431 – лишение свободы до шести лет), посредничество во взяточничестве (ч. 1 ст. 432 – лишение свободы до четырех лет), а также коммерческий подкуп (ч. 1 ст. 252 – лишение свободы до трех лет).

Согласно ч. 3 ст. 12 УК РБ все вышеуказанные преступления относятся к категории менее тяжких преступлений, поскольку за их совершение предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не свыше шести лет, но свыше двух лет для отнесения их к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности.

Таким образом, применение административной и дисциплинарной преюдиции в Республике Беларусь за совершение наиболее распространенных преступлений коррупционной направленности невозможно.

В уголовном законодательстве Грузии правила применения административной преюдиции закреплены как в примечаниях к отдельным статьям особенной части Уголовного кодекса Грузии (далее – УК Грузии) [10], так и в иных специализированных законах. Например, в ст. 20 Закона Республики Грузии от 30.11.2022 № 2204 «О борьбе против коррупции» [11] закреплена административная ответственность в виде штрафа за непредставление декларации об имущественном положении должностного лица.

Также в указанной статье закреплено, что непредставление должностным лицом декларации об имущественном положении должностного лица в 2-недельный срок со дня вступления в законную силу распоряжения о наложении штрафа, предусмотренного пунктом первым настоящей статьи, или судебного решения (определения) влечет привлечение лица к уголовной ответственности.

Для этих целей ст. 355 УК Грузии установлена уголовная ответственность за непредставление декларации об имущественном положении, совершенное после наложения административного взыскания за такое же деяние, либо внесение в декларацию заведомо неполных или неверных данных. Данное деяние, согласно ст. 12 УК Грузии, относится к категории менее тяжких преступлений (самой низшей по степени общественной опасности категории), так как наказание не превышает пяти лет лишения свободы.

Нельзя не сказать, что из классических коррупционных составов преступлений (получение взятки (ч. 1 ст. 338) – от шести лет лишения свободы, дача взятки (ч. 1 ст. 339), коммерческий подкуп (ч. 1 ст. 221) – до трех лет лишения свободы) только получение взятки относится к категории тяжких преступлений.

Таким образом, законодательство Грузии об административных правонарушениях урегулировано в различных законодательных актах, к числу которых можно отнести Закон Республики Грузия «Кодекс об административных правонарушениях», а также иные специализированные законы. При этом административная преюдиция по отношению к преступлениям коррупционной направленности предусмотрена только в отношении нарушений в сфере декларирования доходов должностных лиц и закреплена в специали-

зированной нормативно-правовом акте. Вместе с тем, учитывая, что большинство «неквалифицированных преступлений» коррупционной направленности относятся к категории менее тяжких, существуют предпосылки для дальнейшей гуманизации грузинского уголовного законодательства в рассматриваемой сфере посредством распространения действия института административной преюдиции на указанные составы преступлений.

Также для целей исследования интересной видится регламентация института административной преюдиции в Республике Казахстан. В данной юрисдикции до 2015 г. в ст. 10-1 старого Уголовного Кодекса Республики Казахстан [12] присутствовала норма, регламентирующая порядок применения административной преюдиции в уголовном праве. При этом в качестве обоснования существования данного института в казахстанских научных кругах отмечалось, что лицо, подвергнутое административному наказанию, всегда осознает негативную оценку государством совершенного им деяния, и если данное действие совершается вновь умышленно, то можно констатировать о необходимости применения более строгих мер воздействия ввиду не достижения целей административной ответственности (поддержания общественного порядка) [13. С. 100]. Однако позднее указанный институт все же был заменен на институт уголовных проступков.

Вместе с тем в уголовном законодательстве Республики Казахстан можно заметить интересную деталь. В частности, несмотря на формальное упразднение в настоящий момент времени административной преюдиции, в уголовном законе прослеживаются ее отдельные элементы. Например, согласно примечанию к ст. 367 Уголовного Кодекса Республики Казахстан (УК РК) [14], регламентирующей ответственность за получение взятки, не является преступлением в силу малозначительности и преследуется в дисциплинарном или административном порядке получение впервые лицом, указанным в части первой настоящей статьи, имущества, права на имущество или иной имущественной выгоды в качестве подарка при отсутствии предварительной договоренности за ранее совершенные законные действия (бездействие), если стоимость подарка не превышала двух месячных расчетных показателей.

При этом в Кодексе Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК «Об административных правонарушениях» [15] предусмотрена ст. 472, которая устанавливает ответственность за нарушение правил учета и дальнейшего использования имущества, поступившего в собственность государства по отдельным основаниям, в случаях, предусмотренных законодательными актами.

Согласно п. 4 ч. 1 указанной статьи, к данному правонарушению относится неполная и (или) несвоевременная передача в уполномоченный орган имущества, поступившего в собственность государства по отдельным основаниям, если эти деяния не имеют признаков уголовно наказуемого деяния, в том числе подарков, поступивших лицам, занимающим государственные и муниципальные должности.

Таким образом, должностное лицо, ранее совершившее дисциплинарное или административное правонарушение, указанное в примечании к данной статье, будет подлежать уголовной ответственности по ч. 1 ст. 367 УК РФ.

Аналогичные правила применяются относительно преступления, предусмотренного ст. 253 УК РК – коммерческий подкуп.

Относительно дачи взятки (ч. 1 ст. 366 УК РК) отметим, что согласно примечанию к данной статье, не влечет уголовной ответственности передача впервые лицу, указанному в ч. 1 ст. 366 настоящего Кодекса, за ранее совершенные им законные действия (бездействие) подарка в сумме или стоимостью, не превышающей двух месячных расчетных показателей, если совершенные этим лицом действия (бездействие) не были обусловлены предварительной договоренностью.

Таким образом, несмотря на отсутствие законодательной регламентации института административной преюдиции в уголовном праве в Республике Казахстан, данный институт фактически применяется по отношению к преступлениям коррупционной направленности, не обладающим большой степенью общественной опасности, что позволяет сделать вывод о высокой степени гуманизации уголовного законодательства в данной юрисдикции.

Заключение

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, мы можем сделать следующие выводы:

1. Российское уголовное законодательство имеет репрессивный характер, который выражается в криминализации отдельных деяний, не обладающих для этого достаточной степенью общественной опасности.

2. В западных научных кругах существует дискуссия относительно целесообразности декриминализации преступлений небольшой тяжести. Согласно результатам исследований правоприменительной практики, данное обстоятельство позволит значительно снизить уровень первоначальной (не рецидивной) преступности.

3. Отказ от наказания за отдельные преступления, не представляющие большой общественной опасности, для российской правовой действительности видится нецелесообразным, поскольку в России действует законодательство об административных правонарушениях (менее репрессивное, чем уголовное, но так же, как и последнее, выполняющее предупредительные функции), и которое отсутствует в странах англосаксонской и большинстве европейских стран романо-германской правовой семьи.

4. Для целей гуманизации российского уголовного законодательства целесообразным видится частичная декриминализация отдельных преступлений коррупционной направленности небольшой тяжести посредством применения института административной преюдиции в уголовном праве.

5. Анализ законодательства стран ближнего зарубежья показал, что, несмотря на стремление к построению западной модели уголовного законода-

тельства (введение института уголовного проступка), институт административной преюдиции продолжает существовать и применяется в том числе к преступлениям коррупционной направленности, не представляющим большой общественной опасности.

Список источников

1. Парог А.И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 88–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/repressivnyy-kren-rossiyskoy-ugolovnoy-politiki> (дата обращения: 23.04.2025).
2. Кенни К. Основы уголовного права / пер. с англ. В.И. Каминской ; под ред. и с вступ. ст. Б.С. Никифорова. М. : Изд-во иностр. лит., 1949. LVII, 599 с. URL: https://m.vk.com/wall-89850005_94126?ysclid=llz51e2dpo495689872 (дата обращения: 23.04.2025).
3. Natapoff A. Misdemeanor Decriminalization // Vanderbilt Law Review. 2019. P. 1055–1116. URL: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vlr/vol68/iss4/2> (дата обращения: 23.04.2025).
4. Куликов А.В., Валов К.В. Анализ допустимости применения института административной преюдиции в уголовном праве в целях противодействия коррупции // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2023. Вып. 1. С. 26–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-dopustimosti-primeneniya-instituta-administrativnoy-preyuditsii-v-ugolovnom-prave-v-tselyah-protivodeystviya-korrupsitsii> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Антонов Е.В., Антонов В.И. Административная преюдиция в зарубежном уголовном законодательстве: история и современность // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. Т. 29, вып. 5. С. 630–637. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-preyuditsiya-v-zarubezhnom-ugolovnom-zakonodatelstve-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 26.04.2025).
6. Данелян Р.С., Зименкова И.И. Административная преюдиция: зарубежный опыт законодательной регламентации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 41, № 1. С. 137–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-preyuditsiya-zarubezhnyy-opyt-zakonodatelnoy-reglamentatsii> (дата обращения: 27.04.2025).
7. Озтюрк против Германии (Ozturk v. Germany) : Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 1984 года (жалоба № 8544/79). URL: <https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/oztyurk-protiv-germanii-ozturk-v-germany-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 28.04.2025).
8. Уголовный кодекс Литовской Республики = The Lithuanian penal code : Утв. законом № VIII-1968 г. 26 сент. 2000 г. / науч. ред. В. Павилонис ; предисл. Н.И. Мацнева; вступ. ст. В. Павилониса [и др.] ; пер. с лит. В.П. Казанскене. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003, 468 с. URL: https://sharlib.com/read_696397-1 (дата обращения: 27.04.2025).
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 009.07.1999 № 275-3. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 10.04.2025).
10. Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 № 2287. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=253> (дата обращения: 15.04.2025).
11. Закон Республики Грузия от 30.11.2022 № 2204 «О борьбе против коррупции». URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/33550/81/ru/pdf> (дата обращения: 20.04.2025).
12. Кодекс Республики Казахстан от 16.07.1997 № 167-І «Уголовный кодекс Республики Казахстан». URL: <https://pavlodar.com/zakon/?dok=00087&all=all> (дата обращения: 24.04.2025).

13. Мазов Е.А. Административно-правовая преюдиция и профилактика преступности // Вестник КазНУ. Серия юридическая. 2010. № 4. С. 97–100.
14. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 25.04.2025).
15. Кодекс Республики Казахстан «Об административных правонарушениях» от 05.07.2014 № 235-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 28.04.2025).

References

1. Rarog, A.I. (2014) Repressivnyy kren rossiyskoy ugolovnoy politiki [A repressive tilt of Russian criminal policy]. *Kriminologicheskij zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 3. pp. 88–95. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/repressivnyy-kren-rossiyskoy-ugolovnoy-politiki> (Accessed: 23rd April 2025).
2. Kenni, C. (1949) *Osnovy ugolovnoy prava* [Outlines of Criminal Law]. Translated from English by V.I. Kaminskaya. Moscow: Izd-vo inostr. lit. [Online] Available from: https://m.vk.com/wall-89850005_94126?ysclid=llz51e2dp0495689872 (Accessed: 23rd April 2025).
3. Natapoff, A. (2019) Misdemeanor Decriminalization. *Vanderbilt Law Review*. 68(4/2). pp. 1055–1116. [Online] Available from: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vlr/vol68/iss4/2> (Accessed: 23rd April 2025).
4. Kulikov, A.V. & Valov, K.V. (2023) Analiz dopustimosti primeneniya instituta administrativnoy preyuditsii v ugolovnom prave v tselyakh protivodeystviya korruptsii [The analysis of the admissibility of using the institution of administrative prejudice in criminal law for the purpose of combating corruption]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 1. pp. 26–34. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-dopustimosti-primeneniya-instituta-administrativnoy-preyuditsii-v-ugolovnom-prave-v-tselyah-protivodeystviya-korruptsii> (Accessed: 25th April 2025).
5. Antonov, E.V. & Antonov, V.I. (2019) Administrativnaya preyuditsiya v zarubezhnom ugolovnom zakonodatel'stve: istoriya i sovremennost' [Administrative prejudice in foreign criminal legislation: history and preent time]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo."* 29(5). pp. 630–637. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-preyuditsiya-v-zarubezhnom-ugolovnom-zakonodatelstve-istoriya-i-sovremennost> (Accessed: 26th April 2025).
6. Danelyan, R.S. & Zimenkova, I.I. (2022) Administrativnaya preyuditsiya: zarubezhnyy opyt zakonodatel'noy reglamentatsii [Administrative prejudice: foreign experience of legislative regulation]. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 41(1). pp. 137–141. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-preyuditsiya-zarubezhnyy-opyt-zakonodatel'noy-reglamentatsii> (Accessed: 27.04.2025).
7. European Court of Human Rights. (1984) *Oztyurk protiv Germanii (Ozturk v. Germany): Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka ot 21 fevralya 1984 goda (zhaloba № 8544/79) [Öztürk v. Germany]*, Judgment of the European Court of Human Rights (ECtHR), 21 February 1984, Application No. 8544/79. [Online] Available from: <https://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/oztyurk-protiv-germanii-ozturk-v-germany-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (Accessed: 28th April 2025).
8. Pavilonis, V. (ed.) (2003) *Ugolovnyy kodeks Litovskoy Respubliki* [The Lithuanian Penal Code]. Approved by Law No. VIII-1968 of 26 September 2000. Translated from Lithuanian by V.P. Kazanskene. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press. [Online] Available from: https://sharlib.com/read_696397-1 (Accessed: 27th April 2025).
9. Belarus. (1999) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus' ot 009.07.1999 № 275-Z* [Criminal Code of the Republic of Belarus of 009.07.1999 No. 275-3]. [Online] Available from: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (Accessed: 10th April 2025).

10. Georgia. (1999) *Ugolovnyy kodeks Gruzii ot 22.07.1999 № 2287* [Criminal Code of Georgia of 22.07.1999, No. 2287]. [Online] Available from: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=253> (Accessed: 15th April 2025).

11. Georgia. (2022) *Zakon Respubliki Gruziya ot 30.11.2022 № 2204 “O bor’be protiv korruptsii”* [Law No. 2204 of the Republic of Georgia of November 30, 2022, On the Fight against Corruption]. [Online] Available from: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/33550/81/ru/pdf> (Accessed: 20th April 2025).

12. Kazakhstan. (1997) *Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 16.07.1997 № 167-I “Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan”* [Code of the Republic of Kazakhstan of July 16, 1997, No. 167-I “Criminal Code of the Republic of Kazakhstan”]. [Online] Available from: <https://pavlodar.com/zakon/?dok=00087&all=all> (Accessed: 24th April 2025).

13. Mazov, E.A. (2010) Administrativno-pravovaya preysuditsiya i profilaktika prestupnosti [Administrative and legal prejudice and crime prevention]. *Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya*. 4. pp. 97–100.

14. Kazakhstan. (2014) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 03.07.2014 № 226-V ZRK* [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014, No. 226-V ZRK]. [Online] Available from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (Accessed: 25th April 2025).

15. Kazakhstan. (2014) *Kodeks Respubliki Kazakhstan “Ob administrativnykh pravonarusheniyakh” ot 05.07.2014 № 235-V ZRK* [Code of the Republic of Kazakhstan “On Administrative Offenses” dated July 5, 2014, No. 235-V ZRK]. [Online] Available from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (Accessed: 28th April 2025).

Информация об авторах:

Куликов А.В. – доктор юридических наук, профессор, профессор Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени И. Канта, заслуженный юрист РФ (Калининград, Россия). E-mail: bmw0052@rambler.ru

Валов К.В. – аспирант 2-го года обучения Высшей школы права Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: konstantin.kantiana@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kulikov A.V., Doctor of Law, Professor, Professor of the Educational and Scientific Cluster «Institute of Management and Territorial Development», I. Kant Baltic Federal University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: bmw0052@rambler.ru

Valov K.V., Postgraduate student of 2 years of study at the Higher School of Law of the Educational and Scientific Cluster «Institute of Management and Territorial Development», I. Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: konstantin.kantiana@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.04.2025;
одобрена после рецензирования 16.05.2025; принята к публикации 26.06.2025.*

*The article was submitted 28.04.2025;
approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 26.06.2025.*